

Дарайя оставалась нашей козырной картой. Когда бои принимали вялый затяжной характер, мы переключались на другие участки, благо фронт проходил чуть ли не вокруг каждого города. Задыхался в осаде Дейр-эз-Зор, сражался разделённый надвое Алеппо, полыхали провинции вокруг больших городов, а малые защищались сами. Недели через две мы снова оказались в Дарайе – Марату вздумалось сделать репортаж.

В тот день нас отрезали от бригады за час до захода солнца. Надо было уходить раньше, как только за спиной зачастили скороговоркой автоматы в уже зачищенном квартале. Протискивавшийся следом за нами сквозь завалы камня, гнутой арматуры, разбитой и выброшенной мебели несуразный и угловатый полицейский броневичок вдруг засверкал бенгальским огнём от рикошета ударившей почти в упор пулемётной очереди, попятился и поспешил скрыться за углом дома.

– Кажется, влипли, – со злостью констатировал Вася Павлов и выругался, вбивая короткую очередь в окно второго этажа, где замелькали бородатые физиономии. – Пovyлазили, мать вашу за ногу.

– Мать? Почему мать? Чья мать? – живо интересуется Салах, услышав знакомое слово, так часто употребляемое этими странными русскими.

– Японская, – с видом знатока глубокомысленно нарезает слова на слоги Марат².

– Понимаешь, я-по-на мать тво-ю за но-гу.

– Мама за ногу? – Совсем ошалев от сложнейшей конструкции этой идиомы, трясёт головой Салах и сокрушается: – Чья нога? Не понимаю.

Виктор-Джихад что-то быстро ему говорит, потом оборачивается к нам:

– Я сказал ему, что это игра слов, но мне кажется, Марат Мазитович, ваши шутки сейчас не совсем уместны.

Виктору-Джихаду явно не повезло с этими грубыми русскими. Даже профессор Мусин не блещет светскими манерами, что уж говорить об остальных. Он интеллигент, врач-офтальмолог, французский, английский, русский – в совершенстве. Университет в Ростове и Париже. Ходячая энциклопедия, знаток русских пословиц и поговорок на уровне учёного-филолога. Всегда только на «вы», невозмутимость в любой ситуации, хоть гранату рви за спиной – ни один мускул не дрогнет. А в глазах Марата пляшут бесенята, и он уже радостно потирает руки, представляя, какой будет материал. Просто бомба! Он проговаривает даже будущие заголовки вроде «Корреспонденты “ANNA NEWS” прорываются из окружения» или «Волонтеры сражаются в окружённой Дарайе». Однако никто не разделяет его идиотский восторг, а во взгляде Джихада сквозит укоризна. Чему радоваться? Профессор всё же, не шаловливый несмышлёныш, впору думать, как выбираться, а тут неуместный восторг. Бледность разливается по его смуглому лицу, отчего оно приобретает какой-то неестественный металлический оттенок космического пришельца. Или бледность мертвеца, но это кому как нравится.

¹ Описываемые события происходили в феврале 2013 года во время боёв в Дарайе.

² М. М. Мусин – руководитель агентства «АННА НЬЮС», доктор экономических наук, секретарь Союза писателей России, политолог, конспиролог и т. д.

Подполковник стриждёт прищуренным глазом дом напротив, втягивает голову в плечи, и его донкихотская борода метёт обильно припудренный кирпичной пылью «броник»¹. У него железные нервы и отменная реакция, он всегда рассудителен, мгновенно оценивает ситуацию и сейчас ему наверняка хочется огреть прикладом этого не к месту восторженного профессора.

По мне, так шуточки Марата – верх шалопайства, отвлекают, не дают сосредоточиться. К тому же забытая за день тупая боль вдруг стала вкручиваться в простреленную челюсть и ужасно захотелось домой. «Ну какого чёрта не сиделось дома и дёрнуло связаться с этим ненормальным профессором?»

Сирийцы сбиваются в кучу, о чём-то негромко переговариваются, не сводя глаз с окон и подъездов окружающих домов. Лишь невозмутимый Фираз с застывшей пять тысяч лет назад мимикой сфинкса никак не реагирует на противный смешок Марата.

Тихо спрашиваю у Джихада, о чём они говорят. Тот как-то отрешённо отвечает, что «крысы»² по подземным переходам проникли в тыл и отсекали нас от бригады. Придётся где-то переждать до утра.

Неожиданно сушит гортань, и голос противно сипит – мне до банальности просто становится страшно. Недобитый, недострелянный, недолеченный, валялся бы сейчас на базе, гонял бы телик, читал бы или писал, так нет же, понесло опять доказывать, что страх неведом, что супер-рэмбо, универсальный солдат, а у самого ноги подкашиваются.

Опасность не передаётся по проводам, она вдруг наваливается внезапно обвалившейся тишиной, и страх уже электризует воздух и глушит голос. И глядя на своих товарищей, ты начинаешь ощущать её по вжимающейся в плечи голове, по рыскающим взглядам, по сузившимся зрачкам, по ползущему к флажку предохранителя пальцу.

Так глупо влипнуть благодаря сумасшествию одного одержимого! Ещё полчаса назад мы бы могли спокойно выбраться отсюда, но ему, видите ли, захотелось съёмки на закате. Романтик, блин.

– Лыбишься? Паразит ты, Марат, дай только выбраться, порешу собственными руками, – хриплю ему в улыбающуюся физиономию и демонстративно лапаю кобуру.

Хохотунчик-профессор не унывает и держится бодрячком, обещая романтическую ночь на свежем воздухе. Его самообладанию, конечно, позавидуешь, но ночевать в развалинах мне совсем не хочется хотя бы из-за опасения застудить руку.

Шанс уйти упущен напрочь. Прорываться по узкой улочке – верх безумия, разберут на молекулы с подствольников и нашинкуют из автоматов. Конечно, утром разблокируют, сделают коридор, может, даже бээмпэшку³ подгонят, чтобы прикрыть выход «броней», но ведь до утра ещё дожить надо. Хорошо ещё, если оторвёмся от «бармалеев», найдём укромное местечко, затаимся, пересидим, переждём, а если нет? Б-р-р-р, даже думать не хочется. Третью ночь температура падала почти до нуля – зима всё-таки, но на этот раз спасает нудная морось, не давая свалиться градусу в минус. Не дождь вовсе, а так, недоразумение: сыплет из серого и скучного неба что-то мокрое, словно через сито просеянное, превращая белёсый слой из штукатурки, песчано-цементных блоков и белого пенобетона в муку перемолотых взрывами, в густую сметану, щедро разлитую по всей мостовой.

Мы бодро шлёпали по ней целый день, перебегая простреливаемые участки улиц, оскальзываясь, чертыхаясь и матерясь. Марат не унимается, противно хихикая и тыча пальцем в нашу обувь:

– Вам уже и белые тапочки выдали.

Наши брюки почти до колен заляпаны этой строительной мешаниной, что уж говорить о туфлях, кроссовках и берцах. Павлов огрызается, рыская взглядом вдоль улицы, сравнивая Марата с цирковым жеребцом в белых чулках. Чтобы окончательно добить профессора, намекаю я на его оттопыривающий «броник» живот и уточняю, что он не жеребец, а кобыла жеребая. Марат обиженно сопит и замолкает. Ага, зацепило, знаем, знаем твою ахиллесову пятю. Нет, мне совсем не жалко его самолюбие – мне жалко моих туфель, купленных всего пару месяцев назад и теперь имевших довольно босяцкий вид из-за сбитых носов и расцарапанной кожи.

Возвращаемся из только что отбитой у «шайтанов» части дома обратно в соседнее здание через широченный двор. Нас слишком мало – трое русских, наш переводчик Виктор-Джихад и дюжина спецназовцев из сто пятой бригады – полтора десятка сумасбродов в этих руинах Дарайи, кишашей

¹ «Броник» (слэнг) – бронежилет.

² «Шайтаны», «бармалеи», «бородатые», «духи», «крысы» и т. д. – прозвища игиловцев из Джебхат-ан-Нусра (отделение Аль-Каиды в Ливии и Сирии).

³ Бээмпэшка, бээмпэ – боевая машина пехоты, в данном случае БМП-2.

боевиками. Не хотелось бы стать сакральной жертвой этой войны – до конца не понятой, но густо замешанной на вселенской лжи, цинизме, алчности.

2.

Виктор-Джихад упрямо твердил, когда мы собирались «на выход», подгоняли «броники» и расковыляли магазины по карманам, что Дарайя – это сирийский Сталинград, где чуть ли не каждый дом – дом Павлова. Нет, не подполковника Павлова, хотя уже не один такой дом претендовал на его имя, а сталинградского сержанта Павлова.

В его голосе не было патетики, да и говорил он как-то буднично, даже слишком буднично и глухо, чтобы не верить, что всё пропущено через сердце, переплетено и связано болью в такую вязь, что места иным чувствам и не осталось.

– Пусть Сталинград, не спорю, но это не наш Сталинград и война не наша, – сопротивляется Андрияха, не отрывая взгляда от столешницы и нещадно дымя сигаретой, и неожиданно резко бросает: – Я уезжаю, всё, баста.

В общем-то, это ожидаемое. Третьи сутки без объяснения он не уходил с нами «на боевые», не встречал по возвращении, особо ни с кем не разговаривал, угрюмо и отрешённо курил. Он нормальный мужик, две Чечни размотал, протопал и прополз, здесь уже почти три месяца безвылазно, с десятком швов на голове. Нет, он не слабак. Просто так бывает. У каждого свой предел прочности. Это как усталость металла: вроде внешне всё нормально, а потом вдруг хрясть – и напополам.

У него двое крошек, камнем давящие долги, ноль перспектив с работой, невнятная жвачка нашей власти по войне в Сирии – то ли есть, то ли нет, а ему Джихад про Сталинград впаривает. Да он сам знает, что город уничтожен в хлам, но это не Сталинград. Таких Дарай по Сирии пруд пруди: возьмут Алеппо или Дэйр-эз-Зор, Хаму или ту же Дарайю и всё, фенита ля комедия, принцип домино в действии, завалятся все фишки. А Сталинград он один был такой. Это та черта, за которую не переступить, через сердце черта, через мозг каждым осознанно проведённая.

У Андрея потрясающий фильм о Чечне. О предательстве власти. Он кожей почувствовал, что здесь и сейчас всё может закончиться тем же, и не хотел опять быть преданным. «Вы как хотите, ребята, а уже сыт по горло всем этим», – говорил его взгляд.

Я не осуждал его, хотя по закону больших чисел он был всё-таки не прав. Но это когда тебя в микроскоп не разглядеть, когда ты песчинка в мироздании, хотя ты тоже личность, тоже человек и тоже отчаянно хочешь жить, потому что у тебя есть обязательства не вообще перед страной, которая тебя даже не знает и, скорее всего, знать не хочет, а перед теми, кому ты нужен, у кого обрывается сердце при каждом телефонном звонке, кто жадно прилипает к экрану телика, когда диктор бесцветно-дежурным голосом что-то говорит о Сирии.

Андрей глубоко затягивается сигаретой, и пальцы мелко-мелко дрожат, а на скулах вверх-вниз ходят желваки. Он просто оправдывает себя, у него своя правда. Пусть малая, пусть понятная не всем, но всё же правда одного человека. Да он и не ищет союзников. Вот ведь как получается: у Марата своя, у Василя своя, я без правды, просто за компанию и по недоразумению. Позвал с собою Марат – и полетел, как будто по грибы или на рыбалку собрался. Фронтное волонтерское агентство «АННА НЬЮС» – звучит, тянет порохом, обещает адреналин, объединяет. Думал, что в сплав спаяет, да куда там, оно же и развело потом в разные стороны. Говорят, что космонавты, месяцы проведенные вместе на орбите, по возвращении стараются не встречаться – устали друг от друга до обрыдлости.

Это усталость, конечно, усталость – он просто устал от нас. Разные мы люди, характеры разные, только и общее, что ненормальные. За свой счёт прилететь в раздираемую войной страну, где нет фронта, флангов и тыла, где тебя могут подстрелить или взорвать каждую секунду в любом месте – разве это понять нормальному человеку с нормальной психикой? Выпрашивать разрешения у мухабарата¹ и политуправления армии участвовать в операциях спецназа, рискуя схлопотать пулю или осколок, взлететь на «растяжке»² или быть готовым рвануть чеку «эргэдэшки»³, чтобы не попасть в плен – и это нормальные? Искать и документировать своих сограждан среди «шайтанов», конеч-

¹ Служба безопасности.

² Противопехотное средство из подручных материалов – гранаты, самодельной мины и т.д., приводимое в боевое состояние в результате натяжения и выдёргивания чеки проволокой, натянутой через тропу и т.п.

³ Ручная граната РГД-5.

но, кому-то надо, но зачем отбирать хлебушек у спецслужб? Нашупать нерв сирийского общества, понять, чем оно дышит и с кем, – интересно и нужно, но опять-таки это занятие не для волонтеров. Сбор информации? Но мы же не разведка, хотя слышать, слушать и видеть никому не возбраняется. Тогда кто? Кустарщина какая-то, от которой Андрей просто устал.

Я не устану – просто не успею, потому что скоро придётся возвращаться домой. И потом, это занятие по мне, и не потому, что щекочет нервы и адреналина вздох, нет, просто здесь всё предельно ясно, всё искренно: враг – вот он, за улыбкой оскал не прячет, если друг – так друг до конца, и выше этой дружбы ничего быть не может. А дома жизнь пресная и размеренная: дом-работа, работа-дом, а ещё до тошноты приторная ложь во всём.

– Мы первые, кто ведёт съёмку непосредственно с линии огня, – высокопарно талдычит Марат и надувает щёки.

Ну и что, что первые? Первые идиоты? Умные вторые воруют наши кадры, стирают логотип и гребут «зелёные», посмеиваясь над первыми, а первые – простаки, работают даром, потому что так надо нашей стране. Почему? Потому что Россия в Сирии не воюет, а мы просто идейные отморозки, которых совсем не жалко, которых надо по мере возможности утилизировать. Мы не журналисты, мы волонтеры, мы стрингеры, мы опасные свидетели происходящего, поэтому ликвидировать нас – за счастье, поэтому на нас объявлена охота. Нас не защищают никакие законы, и, попади ты в плен – никто рта не откроет, ни МИД, ни журналисты. Поэтому на поясе пистолет, а в нагрудном кармане граната с привязанным шнуром, чтобы даже зубами можно было рвануть чеку.

Андрей первым сказал всё это вслух, хотя не должен был: решил уехать – езжай, вольному воля, а всё равно больно, словно резанули по живому. Видели, что крутит парня, ломает, поговорить бы с ним по-доброму, да не нашлось минутки. Теперь вот мы в Дарайю, откуда вообще шанс выбраться невелик, а он в аэропорт.

– Думал, что подстрахуешь сегодня второй камерой, – как-то растерянно обронил я и взглянул на Марата в надежде на поддержку, но тот отмолчался.

Мне по-настоящему жаль, что он уезжает. Мы не стали друзьями, он держался отчуждённо и вообще казался ошетилившимся ежом. Теперь понимаю, что это была защита. От кого и зачем? Да так, на всякий случай. Сказал бы, что не вмоготу ежедневно, ежечасно и ежеминутно играть в рулетку, не зная, вернёшься ли обратно или размажет тебя миной по мостовой Дарайи или Харасты, пригвоздит к стене автоматная очередь в Алеппо или Идлибе. Сказал бы, что, простите, мужики, не могу больше, выдохся. А так не по-людски как-то.

Было понятно, что он уходит навсегда из нашей жизни, а мы из его, что он бил вдребезги на мельчайшие осколки то, что так трепетно оберегалось, что он уже начал стирать нас из памяти, выковыривать по кусочкам, по крупинкам, чтобы никогда не возвращаться в это короткое прошлое, в этот последний день, когда мы ещё были вместе.

– Я уезжаю, – повторил он.

Больше мы с ним никогда не встречались. По возвращении домой он сменил номер телефона и оборвёт все связи. Он больше не хотел жить прошлым. Он не хотел возвращаться на войну. Он не хотел, чтобы даже мы напоминали ему о ней. Но жизнь с чистого листа всё равно не начать.

Мы не обнялись на прощание, не пожелали ему хорошего полёта, а он нам возвращения, и на душе остался осадок и предчувствие беды. Она витала в воздухе, она кристаллизировалась и должна была материализоваться – ну сколько можно крутить патрон в барабане револьвера? Ведь рано или поздно, но он войдёт в патронник, а палец нажмёт спуск... Но ведь не сегодня, правда?

Оказалось, сегодня.

3.

Сумерки стремительно ринулись захватывать дворы и улицы города, размазывая контуры домов. Точнее, не города, а то, что от него осталось – разложившийся труп с оскаленным черепом. Дарайя вовсе не город, а призрак – это когда вместо домов лишь их остовы с пустыми глазницами выбитых окон; улицы только угадываются и завалены горами битого кирпича; словно казнённые палачом деревья – обрубки с обугленными и израненными стволами с отсечёнными ветвями. А вот людей нет. И птиц тоже нет. Даже крысы покинули Дарайю. Исчезла жизнь с тех пор, как на улицы города

пришла война. Сюр, жуткий пейзаж ядерной зимы без всего живого, который сотворило безумие человеческое своими руками.

На ночьлег выбираем более-менее приличное фойе бывшего офиса – большущее помещение на первом этаже с разбитым витринным окном во всю стену, выходящим во двор, похожий на колодец в окружении разбитых многоэтажек, отсечённый справа от внешнего мира высоким бетонным забором. Не двор, а инсталляции из остовов разбитых и сгоревших машин, пары автобусов, скрученных в замысловатые спирали арматурин, гор щебня и битого камня – эдакий конструктивизм войны. Из окон третьего этажа дома напротив пламя корчило нам рожи и жадно облизывало стену. Шикарный кадр, только с освещением беда.

Быстро баррикадируем окно найденными мешками с цементом, оставив несколько бойниц. Дверной проём забираем наполовину всё теми же мешками и завешиваем каким-то полотнищем.

– Парочку бы мин вон под теми окнами да у подъезда, – мечтает с ноткой сожаления Вася Павлов и кивает на дом напротив. – Или растяжки.

Василий – профессиональный военный, бывший комбат, тактик и даже стратег. Безмерной храбрости и трезвости решений мужик, хотя порой прорывает на безрассудство: три танка самолично подбил, то ли ретивость выиграла, то ли кто пяточкой самолюбие прищемил. Но это в прошлой жизни на развалинах великой державы.

Вообще-то он не искушён в дипломатии, не знает полутонов и каждый раз, пробираясь сквозь проломы стен вдоль простреливаемых улиц, костерит сирийцев в Бога, душу, мать за их пофигизм и пренебрежение к элементарной безопасности. При каждом удобном случае и даже неудобном он собирает аскеров¹ вокруг себя и начинает нудить, чтобы вот здесь поставили пулемёт, там «занавесочку»² продёрнули, а через эту улицу в самый раз ползком. Сирийцы гордые, ползать под пулями не желают, максимум – перебежка пригнувшись, поэтому на все его советы согласно кивают, улыбаются и пожимают плечами: «на фига», отчего подполковник сатанеет и непочтительно поминает их сирийскую маму.

Потом они вытаскивают простреленного снайперами бойца, когда полуживого, когда уже нет, но верны себе: «штору» через улицу не провешивают, перебегают не пригибаясь.

Джихад давно уже перестал переводить шквал русского мата, вылетающего из уст подполковника со скоростью работающей «шилки»³, понимая всю бесперспективность обуздать лень своих соплеменников, сразу же выучивших ёмкое русское слово «на фига» с разными предлогами и окончаниями и отвечающих им на все предложения Павлова. Но сегодня он никого не учит: может, понял бесперспективность трудов своих внушить им что-то путное, может, просто устал.

Джихад задумчиво-госкливым взглядом уставился на покалеченную одинокую оливу с расщеплённым стволом, прижимающуюся к бетонному забору. Наверное, очень уж невесёлые мысли занозили его голову, раз какая-то безучастность сквозит в каждой чёрточке его вдруг осунувшегося лица.

– А лучше танковый батальон и полк пехоты, – ворчу я из вредности.

А что не ворчать? Имею право, когда гранат – только для самоподрыва, да и патронов с гулькин нос. В минуты опасности обостряются не только рецепторы периферической физиологической системы, именуемой органами чувств, молниеносно считывая внешнюю информацию и анализируя её, но и активничает «соображалка».

– Видишь эти жалюзи? – киваю на валяющиеся тут и там вдоль стен покорёженные металлические шторы. – Не хуже растяжек.

Растяжки, конечно, это хорошо, это решение проблемы, а вот грохот жести разрывает тишину ночи в клочья – проверено и запатентовано ещё на Кавказе. Собираем жалюзи и раскладываем под окнами и подъездами противоположного дома – ночью звук жести поднимет мёртвого. Сыплем сверху на всякий случай битое стекло – классика жанра, теперь любой, сунувшийся к нам, выдаст себя с головой.

– А что, уютненько и не дует, – философски замечает Вася Павлов, закончив фортификационную суету и умащиваясь в углу на листе фанеры.

Решаем дежурить по двое, так надёжнее, хотя ночью «бармалеи» вряд ли сунутся. Аббас, командир спецназовцев, предупреждает своих бойцов, чтобы «работали» только одиночными и только по

¹ Аскер, аскяр – солдат, воин.

² «Занавеска» – натянутая на веревку или проволоку ткань поперёк улицы для уменьшения обзора снайперов.

³ ЗСУ-23-4 – зенитная самоходная установка.

видимой цели. Предупреждение не лишнее, зная манеру сирийцев и не только палить очередями в белый свет. Слышны щелчки предохранителей, какая-то суета, и двое спецназовцев занимают место у бойниц.

– Тесбах ала кейр¹, – негромко всем желает Аббас.

Это звучит двусмысленно хотя бы потому, что никто спать не собирается, чтобы не обнаружить поутру свою голову у соседа под мышкой, но все соглашаются: хотелось бы ночи спокойной, без шумовых и пиротехнических эффектов.

– Иншааллах², – глубокомысленно изрекает Фираз и тянет взгляд к прокопченному потолку.

Фираз – это вообще песня, сирийская песня, тихо журчащая ручьём в расщелине где-нибудь в Зебедани или Сергайи. А ещё это скала, утёс в штормящем море. Он всегда невозмутим с намёком на улыбку и надёжен, как швейцарский банк. Хотя откуда мне знать надёжность банков? Фираз надёжен, как Фираз, и точка.

Он откуда-то приволок в решето прошитую осколками и пулями бочку – чем не буржуйка? Два кирпича вниз, сверху несколько арматурин – и вот тебе и поддувало, и колосники, топи – не хочу. Ему вообще никогда ничего не надо объяснять – два года войны в спецназе сделали из него универсального солдата. Пока ещё сумерки до конца не загустели, собираем доски, палки, обломки мебели – чем больше, тем лучше, ночь зимняя долгая. Впрочем, она не сулила ничего хорошего, и теплилась надежда, что «духи» не сунутся в эти израненные, ослепшие и онемевшие многоэтажки с проломленными стенами, сорванными дверями и выбитыми окнами. И всё же желание дожить хотя бы до рассвета перебороло извечное русское авось. Отблеск от горящих деревяшек разгоняет темень по углам комнаты, зато очерчивает круг приличного освещения: не иллюминация, конечно, но даже читать можно при желании, было бы что. Главное, не молчать, иначе каждый так нырнёт в свои мысли, что не сразу и выковыряешь оттуда. Надо нервы ослабить, отпустить, ишь, натянулись, аж звенят. Расслабляемся: Фираз мостится у «камина», Марат тащит спинку дивана – барин, без роскоши никак, умащивается на ней и с наслаждением потягивается, я подтаскиваю чудом сохранившееся кресло к «буржуйке» и плюхаюсь в него – какое счастье вот так откинуться на спинку и смежить веки! Увы, счастье где-то заплутало и вернулась боль, вкручиваясь в раненую руку раскалённым сверлом, а заодно и в простреленную челюсть.

Джихад снимает повязку с моей руки – синюшность расплзается от пальцев до локтя чернотой и пылает внутренним жаром. Не рука, а головешка, только ещё до конца не сгоревшая. Он не хочет пугать, но понятно и так, что, если к утру не выберемся – гангрена обеспечена. Закатывает рукав, вгоняет антибиотик, но боль от укола не чувствуется, и это уже плохо. Перспектива остаться без руки, конечно, хреновая, но до утра ещё дожить надо. Вася Павлов старается поддержать и называет Рэмбо, но Марат пользуется случаем отомстить за жеребую кобылу:

– Не, Шварценеггер. Точнее, Шприценеггер, только изрядно подсушенный.

Салах заботливо протягивает мне свою арафатку, чтобы закутал руку, но отказываюсь. Неловко как-то перед сирийцами слабость свою показывать: мы же русские, мы терпеливые.

4.

На смену сумеркам как-то незаметно пришла темень, вязкая и насыщенная. Сначала заползла в развалины, загустев в самых отдалённых закутках и закоулках, а затем побрела по улицам, окрашивая их в чёрное. Стоящий напротив дом размывает сначала в тёмное пятно, а потом и вовсе стирает, и лишь в окне третьего этажа всё ещё беснуется пламя, длинными языками наползая на остатки фасадной стены. Где-то южнее гулко бухали гаубицы, доносились глухие раскаты взрывов, напоминающие далёкую грозу, но ближе к полуночи всё стихло и навалилась какая-то давящая тишина. Бои ночью стихали, и тогда наваливалась тишина, пугающая своей таящейся неизвестностью и несущая опасность. Это у Джека Лондона белое безмолвие, а здесь – чёрное-пречёрное.

«Крысы» ночью «шарились» по подземным туннелям, подвозили на «тойотах» боеприпасы, подкрепления, вывозили раненых, а их ужасные землеройные машины с гидравлическими боковинами плотоядно вгрызались в грунт, проделывали новые проходы с выходами в нашем тылу. И вроде бы

¹ Спокойной ночи.

² На всё воля Аллаха.

освободили квартал, зачистили прилегающие улицы и дома, как вдруг из-под земли выныривали «бородатые» – и всё начиналось сначала. Небось, и сейчас шныряют по норам, тащат взрывчатку, сбиваются в стаи, чтобы вылезти в подвале какого-нибудь дома и ударить в спину. Может быть, ползут сейчас в ночи, крадутся, а мы здесь затихарились и ждём. Чего ждём? Хотя нет, эти дурацкие мысли – порождение ночных страхов. Всё нормально. Тишина библейская, лишь потрескивают полешки в «камине».

– А точно Сталинград, – ни с того ни с сего раздаётся голос Павлова.

Ага, знать, крепко занозил его душу Джихад, раз ночь эту и эти развалины ассоциирует со Сталинградом. Днём не задумывался, да и некогда: пока «сквозишь» по улочкам, дворам, этажам, думается о том, как бы не напороться на очередь или растяжку, а теперь вот на философию потянуло.

– Тогда это самый что ни на есть дом Павлова, – подхватывает Марат. – А что, неплохо звучит, а? Дом подполковника Павлова. Это сюжет, старик. Развалины, грохот, стелется дым, и в рост встаёт Василий, стреляя от бедра из автомата. Нет, лучше бросается с гранатой на «бармалеев» и с криком «За Асада!» рвёт кольцо. Взрыв, и на фоне пламени бегущая строка: «Так героически погиб фронтовой корреспондент “ANNA NEWS” подполковник Василий Павлов».

Вася лениво огрызается, что вот этого не дождёмся.

– А дома сейчас, наверняка, метёт, морозец, и снежок капусткой квашеной под ногой хрустит. Что-то захотелось на лыжи встать и с горочки, да так, чтобы свист в ушах, – совсем некстати вслух размечтался я, но лишь для того, чтобы эти два интеллектуала перестали собачиться.

– Свалить отсюда каждый рад, – подхватывает Марат. – Только «на лыжи» становиться желательно всей нашей сборной.

– Да нет, я про лыжи, про настоящие. Уж лет десять всё собираюсь покататься, а то снега нет, то ботинки не купил, то крепления.

– Так и я про то же. Ты только вслушайся: «олимпийский резерв Дарайи». Ну как, звучит? Это же именины сердца, это же бальзам на душу, – не унимается Марат.

– Бальзамчик – это душевно. В чаёк бы пару ложек и с медком, а лучше с водочкой, – подхватывает подполковник.

Что ни говори, а сейчас лучшая терапия – трёп ни о чём.

С утра, что называется, маковой росинки во рту не было, но утроба треклятая молчит, понимая, что насытить её всё равно нечем. Целый день как сайгаки носились по улицам, ныряя в проломы стен, петляя по дворам, даже не думая о еде. Да, на войне даже физиология подчинена иным законам. Фираз подбрасывает в импровизированный камин обломки досок, и жёлто-красные блики пляшут по лицам. Зябко, но не от холода, а от поднимающегося жара – температура начинает шкалить. Последний антибиотик Джихад вколол пару часов назад, так что придётся терпеть. Безучастность и равнодушие пеленают сознание, но сдаваться всё-таки не хочется. Поднимаюсь, несколько раз приседаю и опять валюсь в кресло. Слабость начинает одолевать минут через десять, и снова встаю, повторяю всё сначала и вновь втискиваюсь в кресло. Только не спать, только не спать, только не спа... Усталость межит веки, отключает сознание, пальцы расслабляются, и автомат скользит по коленям к туфлям, густо покрытым уже подсохшей серой корочкой, но тычок в плечо возвращает в реальность. Это Марат беспардонно врывается в иллюзии дремоты.

– Не спать, хватай мешки, вокзал отходит.

Нет, всё-таки невоспитанный этот профессор, такой кайф бесцеремонно прервал. Вроде бы шутит, а в голосе весёлость-то фальшивая. Ага, герой, тебе тоже страшно? Тоже не по себе? Тоже жить хочется? А где же вечная бравада? Значит, и ты из того же теста, что и мы. Конечно, Марат прав на все сто. Со сна можно и своих положить, если, не приведи господи, начнётся заваруха. Или привидится какая-нибудь чертовщина, и ошалевший со сна воин начнёт палить вкруговую. Пока очухаешься, а палец уже курок надавит и лежащая на коленях «дура» начнёт гасить всё вокруг.

Поправляю автомат, отсоединяю магазин, передёргиваю затвор, контрольный спуск, флажок предохранителя на место, шарю по полу, нащупываю выпавший патрон, кладу в карман – на всякий случай, в бою можно и просчитаться, присоединяю магазин к автомату. Всё, теперь случайности исключены – в доли секунды, пока снимаешь с предохранителя, передёргиваешь затвор и нажимаешь на спуск – сознание успеет вернуться и взять мышцы под контроль.

Ловлю взгляд Салаха: ловко этот русский управляется одной рукой. И сразу же втягиваю живот и выпячиваю грудь. Чёрт возьми, а тщеславия-то у тебя, парень, оказывается, взхлёб. Ну-ну, покуражься, сорви пока аплодисменты, клоун, всё равно стрелять из этой тарахтелки не придётся. Нет, давить на курок ума много не надо, а вот стрелять – это уже искусство, здесь одной руки мало. Показать тебе трюк с пистолетом, что ли? Это когда одной рукой перезаряжаешь, если другую обездвигили. Крутишь его в ладони, разворачиваешь, пальцами взводишь – и всё за несколько секунд. Это школа, Салах, этому учиться надо.

– Вьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза, – начинает вполголоса Павлов.

Судьбу испытывать не стоит: на голос может и мина прилететь или очередь саккомпанировать, но поёт он душевно, поэтому никто не возражает.

Уже за полночь. Морось давно закончилась и накрывает сырой мглой. Всё-таки это лучше, чем минус – в этой резиденции без окон, без дверей вмиг околеешь. Впрочем, совсем и не холодно даже, так, градусов на десять тянет, а возле нашего камина и вовсе Сочи. Три дня назад в пустыне под утро даже изморозь на металл легла, а сейчас лафа. Тогда промёрзли как цуцки, дрожь была как припадочных, отрывая от песка и подбрасывая вверх, а сейчас в общем-то тепло. Кофейку бы...

Фираз словно мысли прочитал: роется в кармане куртки, выбирает зёрна кофе, раскладывает их на крышке от стола и прикладом растирает в порошок. Впрочем, совсем не порошок, а так, грубый помол. Потом берёт консервную банку из-под сока, смахивает туда ладонью коричневые крошки, заливает водой и приспособливает на решёточку над бочкой. Через минуту тонкий аромат растекается по помещению. Он снимает с огня банку и ставит её на кирпичи, давая осесть пене, опять возвращает на огонь. Аромат всё гуще и уже не обволакивает, а щекочет ноздри, забираясь в подкорку мозга.

Он пододвигает берцем кирпич и ставит на него банку с кофе, давая немного остыть, затем сминает край жестянки в носик и протягивает мне. Я старше всех, к тому же успел получить «снайперский презент», поэтому к заморскому аксакалу особое почтение. И всё-таки пытаюсь безуспешно передать банку Виктору.

– Пейте, пейте, вам это необходимо, – назидательно и требовательно настаивает он негромко и тут же шёпотом добавляет: – Так нельзя, обидите Фиразу.

Втягиваю в рот сложенными в трубочку губами пахучую коричневую жидкость и делаю глоток – мелкий, едва доставший гортань, но такой живительный, что сразу же тепло разливается по всему телу. Передаю Салаху банку с кофе, но тот отрицательно качает головой, всем видом показывая, что он кофе не просто не любит, а на дух не переносит. Его поддерживают все сирийцы, дружно отказываясь от напитка Фиразу. Да оно и понятно – всего пол-литровая банка на дюжину ртов – маловато, едва горло промочить, а по законам гостеприимства всё лучшее гостю.

– Ну прямо-таки джезве¹, – оживает в углу Павлов, заядлый кофеман, принимая жестянку. – Не хватает только кардамона и специй.

– Пей давай, знаток, – ворчит Марат, – пока «духи» перца тебе на хвост не насыпали.

Пламя «камина» нет-нет да вырвется из бочки, и тогда красновато-жёлтый свет выхватывает из темноты графически выписанные лица примостившихся вокруг. Василий цедит с наслаждением, закрывая глаза, каждой чёрточкой лица показывая несказанное наслаждение.

– Фираз, отныне ты бариста. Вернись домой, открою кафешку и тебя выпишу кофе варить.

Банка идёт по кругу и возвращается к Фиразу. Он улыбается и отрицательно машет головой: там такой бочки нет, да и антикварной посуды тоже. Кстати или некстати прицепилось:

Война становится привычкой,
Опять по кружкам спирт разлит,
Опять хохочет медсестричка
И режет сало замполит...²

Будь она проклята эта привычка. А вот стакан водки не помешал бы.

¹ Посуда для приготовления кофе вроде турки.

² Верстаков В. Война становится привычкой.

Боже, какая библейская ночь! Тишина такая, что за километр мышь услышишь, только мышей здесь давно уже нет. И кошек тоже. И ворон. Кстати, а почему нет ворон? Трупов хватает и даже не в развалинах – в квартирах, во дворах, в сквериках лежат, и иногда так ударит в нос запах, что тошнота подкатывает до рвотных спазм, до перехвата дыхания. Умные птицы эти вороны, не суются сюда. Это мы, идиоты круглые, полезли, а зачем? Да кому это нужно?

5.

Андрей злился, курил сигареты одна за другой и твердил, что здесь мы никому не нужны. Джихад возражал ему ровным и тихим голосом, хотя видно было, что даётся ему эта сдержанность с трудом. Всё-таки природная интеллигентность и воспитание сказываются. Особенно после слов, что все арабы продажны и нас всё равно предадут, помогай им или не помогай. Павлов не вмешивался, Марат мрачно сопел, и лишь я пытался что-то робко вставить в защиту Джихада, плёл чушь про советско-сирийскую дружбу, падая к той самой черте, за которой начинается кретинизм.

Генерал из политуправления сирийской армии появился как раз в разгар ссоры, словно чувствовал неладное. А может быть, и знал: у этих стен наверняка есть уши.

– Ваше нахождение здесь – самая лучшая пропаганда. Не надо никаких слов, одно только присутствие русских вселяет веру и силы в сердца наших бойцов, – пафосно начал он с порога заводить заезженную пластинку из запылившейся коллекции изрядно растрескавшейся сирийско-российской дружбы. – Я сказал бы более – в сердца нашего многострадального народа. Вы – это Россия. Вы с нами, значит и Россия тоже с нами!

Боже, какие они одинаковые эти целители солдатских душ, что у нас, что у них. Клонировать их, что ли? А по-человечески говорить не могут? Только штампами?

– Может, вместо себя фото достаточно? – съязвил Павлов, приходивший в тихую ярость от одного только вида комиссаров вообще и этого в частности. – Так я могу нашлёпать сколько душе угодно. Пусть мой дух вселяется в каждого бойца, я не против. А ещё могу заклинать или вокруг костра с бубном шаманить.

Марат сжёг его взглядом, испепелил и развеял по ветру.

– Фольклор, – успокоил он генерала.

Наверняка этот павлин понимал по-русски, но никогда не показывал этого. А зачем? Интересно же узнать, о чём говорят эти ненормальные русские. Бедный Виктор-Джихад: наверняка ему приходилось строчить донесения за каждый день и в мухабарат, и в политуправление, и ещё чёрт знает куда и кому. И не только о том, что говорим и о чём мы думаем, и даже не о моральном духе, а об отношении к Сирии и этой войне. А наш товарищ подполковник прокололся – нервишки подкачали. Непростительно. Прощаясь, генерал улыбнулся одними только губами, одарив подполковника довольно тяжёлым взглядом, и что-то негромко произнёс. Марат насторожился и переспросил у Джихада, что тот сказал.

– Завтра в Дарайе у нас будет возможность обогатить свою лексику местным фольклором и сплясать под аккомпанемент камерного оркестра «ан-Нусры», – погрузился наш переводчик и добавил: – Шутка.

Когда генерал ушёл, Андрей мрачно выдавил:

– Валишь отсюда надо, мужики, пусть сами разбираются. Это гражданская война, это их война, не наша.

– Валишь, говоришь? – зло прищурил глаз Марат. – Отсюда свалим, а потом нас валишь будут, но уже дома, у родного порога. Ты что, не понимаешь или придуриваешься?

Да понимал он, всё понимал, только не понимал, почему нам даже «спасибо» не скажут, почему мы здесь не от государства вовсе, а сами по себе, волонтеры, добровольцы значит. Во всяком случае, по официальной легенде.

6.

Это было вчера. Нет, уже позавчера – давно перевалило за полночь и до рассвета осталось совсем чуть-чуть. Как говорится, на бросок гранаты.

– Слушай, бариста, у тебя в карманах больше ничего не завалилось? – Марат с надеждой смотрел на Фиразу. – Неплохо бы наш пикничок продолжить. Может, у кого-нибудь завалилось сладенькое в кармане? Ну-ка, пошарьте, мужики.

А что там шарить, коли у каждого фи́га в кармане да вошь на аркане. Никто же не собирался зависать здесь, тем более что никогда никому в голову не приходило таскать с собою хотя бы минимальный запас съестного. Даже какую-нибудь печенюшку или галету.

Пробравшись к дверному проёму и не отлипая от стены, осторожно выглянул во двор. Ночь по-прежнему не собиралась убирать разлитые чернила, хотя размытые пятна домов начинали робко приобретать очертания. Шалая луна несколько раз выглянула в разрывы облаков, подслеповато подмигнула и вновь спряталась. Где-то в стороне Дамаска глухо бухнуло, но не раскатилось привычным эхом – то ли пристрелочный, то ли кто-то напомнил о себе. Хорошая ночь, тихая, ласковая. Скоро начнёт светать. Ну и слава богу, обошлось.

– Знаете, мужики, а я такого вкусного кофе в жизни не пил, – сказал я, возвращаясь к своему креслу. – И вообще, это же романтика: камин, кофе в джезве и бариста Фираз...

– И я так комфортно давненько не отдыхал. Так бы всю оставшуюся жизнь валялся бы на фанере с «броником» под головой, – улыбнулся Вася.

– Да, славный пикничок сварганили, просто мечта идиота, – откликнулся Марат. – Только вот остроты не хватает.

– Вы что имеете в виду, Марат? – насторожился Джихад.

– Скучно без «бармалеев» трапезничать. Ни тебе душевной беседы через переводчика, – он погладил автомат, – ни пиротехнических эффектов...

Я не разделял бравады Марата – как бы беды не наклепать его трёпом. Но тот не унимался и предложил позычить кофе у духов. Понятно, хочет «поднять наш боевой дух», но кто сказал, что он ниже плинтуса? Всё нормально, пустые хлопоты, уважаемый профессор. Виктор-Джихад неодобрительно смотрит на Марата и вздыхает: неуместность наигранной весёлости Марата для него очевидна.

Я смотрю на часы: сейчас пять, комендантский час заканчивается в семь, ещё пару часов добавим на лень сирийцев. Итого часа четыре, а это не так уж и мало, чтобы накрутить из нас фарш. Для того чтобы ударить «граниками»¹, пройтись автоматами и заполировать гранатами, четыре часа не требуется, хватит и получаса, а то и четверти.

– Не дразни судьбу, старик, дай дожить до пенсии, – поддерживаю Виктора.

– Ты и пенсия – понятия несовместимые, – ворчит Марат, но всё же замолкает.

Я оказался неправ: сирийцы пришли сразу с рассветом. Сначала гроыхнуло в соседнем квартале, как раз там, куда отполз наш броневик, тут же наперебой задробили автоматы, глуша крики. Потом из-за дома, прижимаясь к стене, появился знакомый палестинец, сжатый в пружину. Следом пластались ещё двое спецназовцев.

Фираз, высунувшись из дверного проёма, махнул им рукой. На тонкое и худое лицо палестинца напозла улыбка, обнажив зубы. Он что-то сказал в висевшую на груди «токи-уоки», торопливо пошёл к нашему убежищу, сбросил рюкзачок, достал из него полторашку воды и протянул нам. Через несколько минут двор перед нашей «ночлежкой» заполнился спецназовцами.

– Блокада прорвана, будем жить, мужики, – осклабился Марат, но это уже нервное.

– Будем, – вторю ему. – Жаль только, что такого кофе больше не будет.

– К счастью, что не будет, – поправляет подполковник.

– Да нет, дружище, всё-таки жаль. Вкус-то особый у нашего кофе был, почти изысканный. Из такого вот кофе жизнь настоящая соткана, – возражаю я.

Теперь можно и пофилософствовать, словно война ушла вместе с остатками ночи и впереди целая жизнь.

– Может быть, ты и прав, – задумчиво тянет Павлов. – Этот кофе в Дарайи особый, и вкус у него тоже особый. Когда ещё придётся давить зёрна прикладом, готовить на костре, подавать в консервной банке. Так и назовём его: кофе по-сирийски.

¹ Гранатомёты.

Ветка цветущего жасмина¹

Сначала в комнату вошла весна, закутанная в пьянящий запах жасмина, и скверное настроение бросилось прочь и затаилось в мрачных углах дворцового зала. Впрочем, нет, ирреальное ощущение весны и света пришло потом, а в настоящем был бывший президентский дворец в самом ваххабитском районе Дамаска. И была ночь – густая и вязкая, с бродящим по узким улицам древнего города страхом. Он жил сам по себе, слабей с рассветом и вновь возвращаясь к вечеру, торжествующе наваливаясь так, что сдавливало дыхание, но никогда не покидал город насовсем.

А что запах цветущего жасмина? Он ощущался всегда и везде: днём едва пробивался сквозь терпкий аромат кофеен и испечённых в тандыре лепёшек, а ночью становился насыщенным и обволакивал загадочностью, проникая в комнату через приоткрытое окно.

И всё же первой вошла она, а запах шлейфом вошёл следом.

Это стало уже традицией по ночам собираться в огромном зале дворца. Ужинали, чистили оружие, перелопачивали отснятое за день, выискивая самое цепляющее, слушали сводки, огорчались или радовались, спорили, иногда молчали, погружаясь в ведомое только каждому.

И в эту ночь, усталые и продрогшие, вымокшие за день моросью – не дождь, а сеющая мокрая мерзость, от которой не укрыться, наскоро переодевшись в сухое, мы вылезли из своих комнат, чтобы снова быть вместе. Потом разойдёмся, и поворот ключа щелчком отсечёт кажущуюся безопасность от остального мира. И будет под рукой пистолет с патроном в патроннике, граната или автомат, и будет разорванный на части сон и вновь медленное погружение в забытьё, и будет долгожданный рассвет – серый и совсем неприветливый. Но это будет потом, через пару часов, а пока мы сидели в большущей комнате с высоченными потолками, совсем неудобной вовсе не от царящего бардака, а потому, что она совсем не предназначалась для жилья.

Джихад ворчал и заботливо развешивал по спинкам высоких резных стульев «броники» с вымокшей за день тканью, до того небрежно сваленные в кучу у входа.

Марат, эта необузданная стихия, откинувшись в огромном кресле, покурил кальян, менторски доводя до нашего сознания очередную конспирологическую версию, рождённую в его неугомонной голове. Вообще-то он не курил, но кальян приволокли по его настоянию: втемяшилось в его забубённую головушку, что для пущей важности и значимости ему не достаёт именно кальяна. Ни смокинга, ни, на худой конец, приличного костюма с галстуком, а именно этой дурацкой колбы с булькающим содержимым.

Вася Павлов даже не пытался осмыслить эту кашу из внезапно обрывающихся мыслей и фантастических идей, изредка покачивая головой, то ли соглашаясь с Маратом, то ли нет, но не выказывая желания спорить.

Димка возился с револьвером, безуспешно пытаясь снять барабан. Раритет времён колониальных войн упрямылся, не выпуская из паза фиксирующую шпильку, но и Димка отличался ослиным упрямством, детской инфантильностью и разумом питекантропа.

Я просматривал дневные съёмки, тщетно выбирая сюжетные кадры и мысленно матеря Димку, решившего в нашей очередной вылазке на «передок» стяжать лавры операторского искусства.

Мы – это волонтёрская группа «ANNA NEWS», информационный спецназ, по пафосному выражению начальника политуправления сирийской армии. От его высокопарности веяло фальшью и перекашивало, зато Марат надувал щёки и несколько свысока оглядывал нас. Но это было утром, когда генерал напутствовал нас на подвиги в Дарайю, а сейчас было два часа пополуночи, и уставший мозг чертовски хотел покоя.

Изредка где-то на юге шалила людьми сотворённая гроза, разрывая темень сполохами и накатывая приглушёнными расстоянием громовыми раскатами канонады.

Она появилась неожиданно: дверь без скрипа отворилась, и в комнате материализовалось нечто в чёрном. Чёрная до пят абайя² и чёрный никаб³ с успехом мог скрывать не только женщину, но и «бородатого»⁴. Чёрт, я же запретил Абу Вали смазывать петли!

¹ Описываемые события происходили зимой 2013 года в Сирии.

² Длинное платье с рукавами.

³ Головной убор с узкой прорезью для глаз.

⁴ Ваххабит.

– Нет, саед¹ Серж, – упрямылся Абу Вали, – скрип мешает вам спать.

Убедившись в бессмысленности убедить начальника нашей охраны, я просто пообещал пристрелить его, если он исполнит обещанное. Всё-таки смазал, гад, ну что же, поживи пока. До утра.

От неожиданности я вздрогнул и во рту стало сухо, словно махнул стакан спирта. Из рук Димки вывалился револьвер и с глухим стуком упал на пол. Краем глаза увидел растекающуюся бледность на лице Виктора, скользнувшую к автомату руку Васи Павлова – далековато, не дотянуться, и расплывшуюся в улыбке физиономию Марата.

– Яфа!² Ну наконец-то!

Марат приготовил нам сюрприз и теперь наслаждался произведённым эффектом.

– Ну и гад же ты, Марат, у меня же сердце слабое, – я пытался за гримасой, изображающей усмешку, скрыть испуг. Улыбаться не стоило: разорванный пулями рот и так гримасничал сам по себе, одинаково скверно изображая и радость и гнев.

– Скотина, – кратко резюмировал Вася с армейской простотой. – Я же мог пристрелить её.

– Вы не правы, Марат, – укоризненно покачал головой Виктор. Он не изменил своей воспитанности, хотя был ближе всех к Марату и на его месте я запустил бы в этого любителя сюрпризов что-нибудь тяжёлое.

Неуловимым движением руки Яфа смахнула никаб, и будто горный поток хлынул по её плечам. Она была красива, чертовски красива, и красива не потому, что мужики успели изголодаться по женскому лицу – мысли всё время были заняты войной и стремлением выжить на этой войне. Нет, она действительно была красива даже по европейским меркам: лицо цвета топлёного молока, непривычно зелёные глаза, длинные и волнистые волосы с шоколадным оттенком.

Я не сразу заметил в её руке веточку цветущего жасмина. Сиреневое на чёрном. Лишь когда она положила её на стол, я ощутил этот чарующий запах.

Пять пар глаз впилась в это лицо. Нет, всё-таки три: Джихад не мог позволить себе такой бесцеремонности, а Марат вообще не видел в ней женщину. Для него это был источник. Профессиональный источник информации, хотя и алмаз редкостной огранки. Мы рассматривали её сначала с удивлением, затем с восхищением, потом с обожанием.

Перед нами стояла женщина, утомлённая дорогой, а мы, здоровые мужики, сидели. Тупо сидели и тупо смотрели, а женщина стояла. Мы делали что-то не так и не то, точнее, совсем ничего не делали, хотя надо бы...

Мысль не успела сформироваться в действие, как Павлов уже щёлкал голыми пятками, жестом показывая на освободившийся стул. В галантности, что ни говори, а подполковнику не откажешь.

Димка суетливо вскочил, неуклюже распрямляясь, словно циркуль, зацепился за ножку стула и грохнулся обратно, заливаясь краской стыда за свою неловкость. Ну куда тебе, стропила рязанская, до Васи Павлова, способного с акробатической ловкостью выныривать из преисподней, то бишь зажёванного ПТУРСом танка, а не то чтобы встать с какого-то там стула.

Я тоже попытался выказать надлежащую в таких случаях вежливость, привстал, но, поняв, что безнадежно отстал, сел. Позднее зажигание.

Сибаритствующий Марат даже не пошевелился.

Джихад не суетился. Он оставил в покое «броники», развернул стул и пододвинул его к Яфе:

– Садитесь, пожалуйста.

Он не предлагал, не просил – он произнёс это так, как могут произносить только восточные мужчины восточным женщинам, не оставляя им выбора. И Яфа беспрекословно выбрала именно им предложенный стул.

Димке с Василием ничего не оставалось, как броситься на поиски чистой чашки, что было весьма проблематично, ставить чайник и тщетно искать хоть что-нибудь из съестного.

С космической скоростью со стола исчезли грязные чашки, ложки и крошки лепёшек.

В ту ночь Марат устроился на диване в зале, уступив Яфе свою комнату. Мы злорадствовали: любителю сюрпризов не помешает провести остаток ночи на жёстком и холодном кожаном диване, укрывшись курткой. А ещё мы ему завидовали, тихо, незлобиво, по-доброму, потому что она приняла именно его заботу. Откуда нам было знать, что всю оставшуюся ночь она писала, чтобы утром

¹ Саед (араб.) – в смысле господин. Уважительное обращение к старшему мужчине.

² Яфа, Яффа (прекрасная) – сирийское женское имя.

исписанные ею листочки Джихад отвёз в разведуправление армии. Его забота была неприметна, исподволь, как будто исходила откуда-то свыше.

Яфа ушла на рассвете, когда все ещё спали.

С той ночи мы жили ожиданием её возвращения. Мы приняли её совсем не потому, что она была красива, или не только потому, что была красива. Эта хрупкая веточка оливы оказалась сильнее и важнее нас. Мысленно мы спрашивали себя: смогли бы вот так, как она, надев чужую личину, находиться среди фанатичных палачей, сатанеющих от крови. Не просто находиться, а осознавать, что в случае провала тебя ждут просто нечеловеческие мучения, когда смерть принимается благодатью, ниспосланной свыше. Хотелось бы сказать: «да, да, конечно», но понимание того, что вовсе не «да, да» и не «конечно», останавливало. И это осознание ставило её на высшую ступень самоотречения, к которому мы, по большому счёту, не были готовы.

Мы были вместе, а она была одна. У нас было оружие, и мы могли защищаться. Во всяком случае, у нас был шанс не столько выжить, сколько избежать мучений в плену, рванув чеку гранаты, неизменно лежащей в кармашке на груди. Она же была безоружна, и такого шанса у неё не было. Война – это всё-таки мужская работа, а она женщина. Хрупкая, нежная, молодая и безумно красивая женщина. Она олицетворяла собою иной мир – мир красоты и покоя, в котором нет войны, нет слёз и горя.

Она приходила редко и всегда неожиданно, когда уж давно истончалась надежда.

– Ребята, вы живы! Как я рада видеть вас!

А война уже забредала в кварталы Дамаска, и всё слышнее была не только канонада, но и длинные пулемётные очереди – «бородатые» не считали патроны, и эта «щедрость» множила почти на ноль наши шансы выстоять.

Яфа, обхватив голову руками, твердила: – Сурия, моя Сурия, как больно моей Сурии... – Из её зелёных глаз истекла боль: – Не бросайте мою Сурию...

Мы не клялись, что не бросим. Впрочем, к чему слова, когда эти четверо сумасшедших русских, приехавших сюда по своей воле, олицетворяли Россию, делили с ними глоток воды и кусок лепёшки, поровну последние патроны и оставляли одну гранату на двоих.

С того дня, точнее с той самой ночи, вялотекущие и однообразные будни трансформировались в бешеный ритм, динамику, сумасшедший бег. Репортажи вылетали автоматной очередью. Мы лезли в самое пекло, лишь бы поскорее выполнить задание или задачу, вернуться на базу и, наскоро приведя себя в порядок, собраться в зале, чтобы дожидаться её, нашу Яфу. Каждое утро летала по комнате швабра, драя до блеска выложенный каменными плитами пол, вымывалась посуда, скреблись давно затупившимися бритвами щёки и подбородки, наглаживались рубашки и чистилась обувь. И больше не валялись на полу брошенные «броники» и каски, магазины и ВОГи¹.

Так уж случилось, что на все последующие ночи она выбрала мою комнату и когда оставалась на ночь, то я располагался на диване. Я ощущал какое-то внутреннее превосходство, будто она выбрала меня, прекрасно понимая, что выбрала вовсе не меня, а мою комнату. Выбрала потому, что она была самая безопасная, самая тёплая, самая уютная и вообще самая-самая.

Ребята настойчиво поочерёдно теперь уже мне уступали свои комнаты, но я отказывался. Я спал вполглаза и вполуха, ловя каждый шорох, и остаток ночи становился долгим и изматывающим. Ближе к рассвету в зале появлялась Яфа и спрашивала участливо:

– Ты опять совсем не спал? Бедненький, и всё из-за меня. Так нельзя, ведь вам же работать.

– Да нет, спал, спал, всё хорошо, – убеждал её я, нарочито зевая и потягиваясь.

И словно по команде появлялись ребята, наливали чай и в дорогу совали ей в руки разломанную на части лепёшку, провожая её долгим задумчивым взглядом.

Так повторялось всякий раз, но однажды в комнату вошёл Фираз и молча положил на стол веточку цветущего жасмина.

– Она больше не придёт. Её убили в Кусейре.

Мы не плакали – мужчинам плакать не полагается. Мы просто вышли во двор и подставили лица дождю.

С тех пор мы больше никогда не собирались в зале, а на ветки растущего в крохотном дворике жасмина повязали ленточки.

¹ ВОГ – выстрел осколочный гранатомётный. Граната для 40-мм подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомате.